

ПРОФИЛИРОВАНИЕ ТЕРРОРИСТОВ: ОПЫТ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ¹

Аннотация. В статье рассматриваются правовые основы профилирования террориста в Германии. Определено, что базовая система поиска основана на сборе метаданных, предусмотренном § 98a Уголовно-процессуального кодекса Германии. Она имеет специальное название – Rasterfahndung. Определены исторические предпосылки создания такого метода противодействия терроризму. Впервые он был использован в условиях борьбы с террористической организацией RAF в конце 70-х гг. прошлого столетия. Однако повсеместное применение получило после атаки террористов в 2001 г. на здания Всемирного торгового центра в США. В научных кругах к профилированию личности террориста складывается различное отношение. Основные доводы представлены в статье. Исследовано также Решение Федерального конституционного суда Германии от 4 апреля 2006 г., согласно которому применение Rasterfahndung было ограничено определенными критериями пропорциональности и соразмерности.

Ключевые слова: Конституция, терроризм, права человека, профилирование, Германия, Rasterfahndung.

V. G. Romanovsky

Penza State University, Penza, the Russian Federation

PROFILING TERRORISTS: EXPERIENCE WITH CONSTITUTIONAL REGULATION IN THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY

Abstract. The article discusses the legal basis for profiling a terrorist in Germany. It is determined that the basic search system is based on the collection of metadata provided for in § 98a of the German Code of Criminal Procedure. It has a special name - Rasterfahndung. The historical prerequisites for creating such a method of combating terrorism are determined. It was first used in the fight against the terrorist organization RAF in the late 70s last century. However, widespread use after 2001, terrorist attacks on the World Trade Centre in the United States. In scientific circles, a different attitude is formed towards profiling a terrorist personality. The main arguments are presented in the article. The Decision of the Federal Constitutional Court of Germany of April 4, 2006, according to which the application of the Rasterfahndung was limited by certain criteria of proportionality and proportionality, was also examined.

Key words: constitution, terrorism, human rights, profiling, Germany, Rasterfahndung.

Профилирование террористов – одно из современных направлений противодействия терроризму в России и за рубежом. В США и ряде европейских стран в правоохранительных органах и спецслужбах появляются уникальные специалисты – профайлеры, чья задача определить криминалистический портрет преступника. Изначально профайлинг (в российской науке используется термин «криминалистическое портретирование») получил свое развитие при поиске «серийных убийц». В конце XX в. произошел определенный бум на данный вид деятельности. Этому способствовал американский кинематограф, создавший такие фильмы, как «Молчание ягнят» (фильм, получивший главную статуэтку американской киноакадемии – Оскар 1991 г.), «Ганнибал», а также сериал «Профайлер» (имевший успех

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00096.

на протяжении нескольких сезонов). Реклама была, действительно, успешной, что появилась некая иллюзия о возможном описании потенциального преступника, его выделении из общественного круга и быстром поиске. Подобные методики применялись и к модели «террориста». В этой части использовались различные подходы, но чаще всего основанные на некоей социальной неполноценности преступника.

Считается, что первый опыт профилирования был использован американскими спецслужбами применительно к оценке личности Адольфа Гитлера в 1943 г. Прогноз поведения формулировала исследовательская группа под руководством психиатра Уолтера С. Лангера (на основе выступлений и публикаций фюрера, а также бесед с людьми, с ним контактировавшими). Кстати, доктор У. Лангер представил точный прогноз о совершении диктатором самоубийства [1]. В середине 70-х гг. прошлого столетия в Академии ФБР в Квантико была создана специальная научно-исследовательская поведенческая группа, готовившая специальные профили правонарушителей, но в большей мере серийных убийц. В середине 80-х гг. был расцвет деятельности данной группы, но череда неудач и спад интереса привел к тому, что уже в 1991 г. группа была сокращена под мягким предлогом недостатка финансовых средств. Однако определенный опыт позволил ФБР создать специальную информационную базу VICAP², в которую стекается вся информация о насильственных преступлениях. Кстати, в ней есть специальный раздел, посвященный террористам, где одним из самых разыскиваемых обозначен Аль-Якуб, за информацию о котором предлагается вознаграждение до 5 миллионов долларов³. Аналогичная «Система анализа связей с насильственными преступлениями» (ViCLAS) была создана в Канаде⁴. Некоторые европейские страны (в частности, Франция, Германия, Ирландия и др.) присоединились именно к канадской системе, объединив свои базы данных. Суть приведенных систем заключается в том, что благодаря специальной анкете в базу заносится информация обо всех насильственных преступлениях, неопознанных трупах, покушениях на насильственные преступления, в отдельных случаях – информация о подозрительном поведении. Уже программа по заданному алгоритму может проводить связи между зафиксированными преступлениями: по почерку преступника, месту преступления, особенностям расположения трупа и т.д. Благодаря объемной систематизации создается профиль преступника, благодаря которому можно описать особые признаки его личности, привычки, физические характеристики, демографические данные, культивируемые ценности, и многое другое.

В отношении эффективности установленных программ рядом ученых высказывается определенный скепсис [2; 3]. Так, сотрудники полиции не проходят специального обучения для заполнения форм в программе ViCLAS, что создает неоднородность заполненной информации. Криминологи отмечают, что эффективность сопоставления полученной информации зависит от совпадения описания преступлений, совершенных в разных концах мира и разными сотрудниками. Проведенное анкетирование показало, что совпадение достигает лишь 25–35 %, а это не является достаточным процентом эффективности [4].

Германия – одна из первых европейских стран, которая стала использовать профилирование в процессе предотвращения преступлений террористического характера и поимки преступника-террориста. Апробация произошла во время поиска активных членов террористической организации Rote Armee Fraktion (сокращенно – RAF). Полицейским службам было известно, что явочные квартиры

² VICAP // FBI: official site. — URL: <https://www.fbi.gov/wanted/vicap> (дата обращения: 15.06.2020).

³ Ibrahim Salih Mohammed Al-Yacoub // FBI: official site. — URL: https://www.fbi.gov/wanted/wanted_terrorists/ibrahim-salih-mohammed-al-yacoub (дата обращения: 15.06.2020).

⁴ Violent Crime Linkage Analysis System // Royal Canadian Mounted Police: official site. — URL: <https://www.rcmp-grc.gc.ca/en/violent-crime-linkage-analysis-system> (дата обращения: 15.06.2020).

снимаются на подставных лиц, а сокрытие информации происходит путем внесения недостоверных сведений в платежные документы. Благодаря полученной информации было принято решение систематизировать данные о владельцах домовладений и соотнести их с информацией, включенной в квитанции об оплате коммунальных платежей. Иными словами, был создан специальный профиль террориста – лицо, живущее на съемной квартире, пытающееся скрыть свои данные от налоговых и коммунальных служб. Системе поиска был дано название – «Rasterfahndung» (дословный перевод – поиск сетью). Благодаря этой системе поиска был пойман Рольф Гейхард Хайслер (в 1998 г. осужден к пожизненному лишению свободы, но в 2001 г. освобожден от наказания и выпущен на свободу).

Система «Rasterfahndung» была положительно оценена немецкими спецслужбами, но многими учеными был отмечен «обратный эффект» – сбор персональной информации обо всех гражданах Германии. Показательно: выявление недостоверности данных в платежных документах обусловило необходимость сбора всей информации о каждом плательщике, вне зависимости от того, является ли он правонарушителем.

В последующем при нарастании террористических угроз «Rasterfahndung» был расширен. После совершенного нападения на башни-близнецы Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 г. практически сразу (спустя неделю) в Германии была учреждена специальная Координационная группа по борьбе с терроризмом (в которую вошли руководители федеральных правоохранительных органов), разработавшая общегосударственные критерии для обнаружения потенциальных исламистских террористов (им также был присвоен специальный термин – «Спящий»; таким же именем назывался регистр подозрительных лиц) в Германии. Информация черпалась из различных источников: сведения из высших учебных заведений, данные от транспортных компаний о перемещении лиц, государственные информационные ресурсы. Регистр «Спящий» велся Федеральной уголовной полицией (хотя правила сбора устанавливались законами земель). Многие положения Патриотического акта, принятого в США в ответ на террористическую атаку, были восприняты и германским законодателем. Более того, проявляя приверженность союзническим обязательствам, парламент Германии в январе 2002 г. принял Закон о борьбе с международным терроризмом – Gesetz zur Bekämpfung des internationalen Terrorismus (TerrorBekämpfungG) [5].

Необходимо пояснить, что база данных связана также со сбором общей персональной информации – пол, возраст, место рождения, семейное положение и др. При автоматической обработке поиск упрощается. Например, оперативные данные указывают на то, что теракт готовится мужчиной в определенном возрасте, рожденным в конкретной местности. Уже полученная информация может сузить круг поиска. Чем больше сведений будет включаться в базу, тем больше параметров, по которым можно устанавливать причастность к подготовке теракта. Так, если в базу включить сведения о летной подготовке, то это позволит уменьшить риск захвата самолетов и их использования для нападений на гражданские и военные объекты. Не случайно в 2002 г. Совет Европейского Союза предложил для всеобщего обсуждения проект Рекомендации по разработке профилей террористов, представив его для публичного обсуждения⁵, где основные параметры как раз связаны с базовыми персональными данными: национальность; возраст; пол; образование; место рождения и др. Однако документ был подвержен серьезной общественной критике, поэтому его судьба завершилась на стадии проекта.

⁵ Council Recommendation of 18 November 2002, № 11858/3/02 REV 3 // European Council : official site. — URL: <https://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2011858%202002%20REV%203> (дата обращения: 15.06.2020).

Закон Германии от 22 декабря 2006 г.⁶ усовершенствовал процедуру сбора информации о лицах, причастных к террористической деятельности, предусмотрел создание общих файлов полиции и разведывательных служб относительно лиц, подозреваемых в совершении террористической деятельности. Однако общий файл «Антитеррор» затрагивает только тех лиц, которые попадают в поле зрения правоохранительных органов, каждый из которых вносит полученную информацию. Файл включает идентификационные данные и расширенные, включающие дополнительные сведения о предполагаемой преступной деятельности. Происходит и распределение доступа к данным файла: определяются конкретные должностные лица, уполномоченные на ознакомление с отдельными элементами. В чрезвычайных ситуациях запрашивающий орган может получить доступ к расширенным данным в упрощенном порядке [6].

Система профилирования террористов в Германии не получила однозначной поддержки в академических кругах. Критические аргументы были обобщены Анной Вилдфанг и изложены в криминологическом отчете под редакцией Ганса-Йорга Альбрехта и Гюнтера Кайзера [7]. Представим некоторые из них.

1. Профилирование убийц зачастую происходит в связке с местом преступления. В этой части теракт планируется по иным принципам. Место преступления не отражает психологию преступника, а обусловлено максимальным общественным резонансом.

2. Терроризм носит разнородный характер, что не позволяет создать и единый профиль террориста. Даже создание определенной классификации (левый терроризм, правый, религиозный и др.) не поможет сузить признаки террориста. Неоднородность характерна для террористических групп даже в рамках одной организации.

3. Интерес к профилированию во многом обусловлен политическими причинами. Это удобно для политиков, поскольку создается иллюзия отчужденности террористов от всего общества в целом. Кроме того, позволяет наглядно представлять проделанную работу в СМИ (даже если она не дает конкретного результата).

4. Профилирование способствует реанимации биологических теорий преступности, что должно особо настораживать ученых и общественность. А. Вилдфанг подчеркивает, что «такое сложное социальное явление, как терроризм, может быть только результатом динамического сочетания социальных, культурных, экономических и индивидуальных обстоятельств».

5. Происходит поиск простых решений сложных проблем. В частности, муссируется сомнительное предположение о психологических отклонениях у преступников-террористов. В некоторых работах утверждается, что террористы имеют психопатологию, экстремальные экстраверсии, невротическую враждебность, паранойю, антисоциальные и пограничные расстройства личности, садистские тенденции, экстернализацию, расщепление или нарциссизм. В этой части А. Вилдфанг приводит аллегорию, используемую Президентом США, – термин «ось зла». По мнению ученого, это уводит от решения насущных задач в борьбе с терроризмом, и лишь отражает общественные страхи. Автор указывает, что психологически нестабильный человек мало пригоден для ведения подрывной подпольной деятельности. Он сам будет создавать угрозу для существования террористической группы. Таким образом, психопатологизация терроризма может быть описана как контрпродуктивная во всех отношениях.

Понятие терроризма, а главное – привлекательность данного явления – активно исследуется в немецкой науке. Здесь уместно вспомнить длительное противостояние государства с террористической организацией RAF. Пик ее активности

⁶ Gesetz zur Errichtung gemeinsamer Dateien von Polizeibehörden und Nachrichtendiensten des Bundes und der Länder (Gemeinsame-Dateien-Gesetz) // Dejure.org. — URL: https://dejure.org/BGBI/2006/BGBI_I_S_3409 (дата обращения: 15.06.2020).

обозначен как «немецкая осень», что создает некий ореол романтичности. Действительно, идеология RAF находила отклик в немецком обществе. Дж. Херф указывал, что капитализм в то время оценивался «как несправедливая и иррациональная система» [8]. Популярность приобрел маоизм, как ответвление коммунистического учения. В 1974 г. с А. Баадером в штутгартской тюрьме встречался французский философ Ж.-П. Сартр. В качестве защитников террористов выступали многие общественные деятели, потом, кстати, сделавшие себе карьеру на государственной службе.

Профилирование террористов усложняется сменой тактики террористических организаций. Европейский опыт второй половины XX века был характерен апробацией методики «городской войны», точечными нападениями небольших групп. Но в любом случае происходила координация из единого центра, а атаки совершались группой лиц. Сейчас основным субъектом становится «террорист-одиночка» (появился даже специальный термин «lone-actor terrorists» – LATs). Это отчасти изменило отношение к профилированию. Некоторые ученые посчитали, что современная наука может помочь правоохранительным органам в предотвращении преступной деятельности. Так, в Турции формируют портрет потенциального террориста, готового к рекрутированию террористической организацией [9]. За основу берется проактивная стратегия, которая используется Рабочей партией Курдистана для вербовки своих сторонников. Иными словами, авторы прогнозируют те слои населения, на которые нацелена агитационная деятельность РПК, а значит, обозначают их как наиболее уязвимые группы, подверженные соответствующему влиянию. Однако к подобным исследованиям необходимо относиться с некоторой долей скепсиса. Весь мир знает об историческом противостоянии турок и курдов. Понятно, что в профиль такого террориста будет записан молодой человек, курд по национальности, имеющий материальные трудности, тем более, если имеет в семье родственника, пострадавшего от официальных властей. На эти моменты всегда указывают исследователи: терроризм может иметь характер противостояния двух социальных групп. По такой же матрице можно выстраивать профиль террориста – представителя Ирландской республиканской партии или ЭТА (партии басков в Испании). Добавит ли это научного понимания в создаваемом профиле террориста – вопрос весьма спорный. Израильские криминологи подчеркивают, что антитеррористическая политика может подрывать законность и доверие, используя «дискриминационные и отчуждающие практики», способствуя тем самым радикализации, порождающей терроризм, против которого эта политика первоначально и направлена [10].

Вернемся к опыту Германии. Система «Rasterfahndung» была реанимирована после 11 сентября 2001 г., хотя правовая база была сформирована в конце 70-х гг. прошлого столетия (в частности, § 98a «Rasterfahndung» Уголовно-процессуального кодекса ФРГ). Суть ее заключается в электронной обработке персональных данных и выделении из массива необходимой для расследования информации. Скрининг осуществляют органы полиции на основе тех баз, которые передают различные гражданские службы. Необходима ремарка: такой поиск возможен только на основании судебного ордера, в исключительных случаях – на основании решения прокурора. После принятия новой стратегии борьбы с терроризмом федеральные органы полиции пошли своеобразным путем. Без внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс были инициированы изменения в законы о полиции земель, определяющие возможность превентивного сбора персональных данных и их сравнения с иными данными, получаемыми в ходе полицейского расследования. На федеральном уровне были выработаны только критерии, на основании которых собирались сведения в отношении тех, кого можно считать потенциальным террористом. За 5-летний промежуток времени была собрана информация в отношении почти 32 тыс. граждан. Всего была собрана информация в отношении от 200 до 300 тыс. граждан Германии. Между тем, собранная

информация не легла в основу какого-то конкретного обвинения в участии в террористической деятельности или в членстве в террористической организации.

В 2001 г. суд одобрил инициативу полиции Северный Рейн-Вестфалии направить запрос во все образовательные организации о предоставлении информации обо всех обучающихся мужчинах, родившихся в период с 1 октября 1960 г. по 1 октября 1983 г. Параметры запрашиваемой информации касались многих данных: место рождения, место жительства, семейное положение, национальность и т.д. Запрос был основан на ст. 31 Закона о полиции Северный Рейн-Вестфалии. Для оформления запроса достаточно было указать на наличие угрозы национальной безопасности. Районный суд, санкционируя такой сбор, указал, что есть террористическая угроза со стороны международной организации, имеющей своих сторонников во всем мире, способных на совершение теракта в любое время. Полиция настаивала на том, что «спящие» – это студенты мужского пола в возрасте от 18 до 41 года, имеющие исламскую религиозную принадлежность и законное основание для проживания в Германии. Критериями усиления подозрительности также являются национальность или страна происхождения. Rasterfahndung необходим ввиду отсутствия иных средств, которые могли бы привести к таким же результатам при сопоставимых усилиях. Данный метод является единственным превентивным вариантом действий, которые прогнозируют успех. Всего на основании запроса было получено более 5 миллионов записей. После автоматической обработки было оставлено только 11 тыс. файлов, остальные – удалены. 11 тыс. файлов были переданы федеральной полиции, где после проверки было удалено еще порядка 1 200 файлов ввиду несовпадения поисковых параметров. На протяжении нескольких лет после проводимых проверок были удалены практически все файлы (за исключением 8, но и они не привели к какому-либо уголовному преследованию). Все 11 тыс. граждан были уведомлены о процедуре сбора информации.

Гражданин Марокко, мусульманин, 1978 г. рождения, будучи студентом Университета Дуйсбурга, обжаловал действия полиции, но суд отклонил его жалобу, отметив, что теракт 11 сентября 2001 г. давал основания предполагать повторение преступных событий, что привело «к релятивизации вероятностного суждения относительно оценки опасной ситуации». Суд земли поддержал выводы, дополнив, что в условиях реальной опасности теракта понижается уровень доказанности подозрительности. В ходе расследования исследуется деятельность, а не личность подозреваемого.

Однако заявитель решил обратиться в Федеральный конституционный суд Германии, который 4 апреля 2006 г. вынес итоговое решение (шестью голосами против двух)⁷, частично удовлетворив требования, признав конституционным сбор персональной информации только при наличии реальной угрозы значимым ценностям (безопасность страны, жизнь граждан и др.). В Решении подчеркивается особая чувствительность сбора персональных данных в электронном виде, что позволяет не только знакомиться с ними в удаленном режиме, но и интегрировать в различные поисковые системы, обрабатывать в различных целях и различными способами. Право на индивидуальное информационное самоопределение (нарушение которого вменялось полицейским службам) не является абсолютным, подлежит ограничению, которое должно соответствовать принципу соразмерности, подчиняться установленному стандарту, иметь четкую процедуру законного вмешательства. Органы полиции должны иметь законную цель, а установленные меры должны осуществляться строго для соблюдения цели. Конституционный суд подчеркнул непозволительность всесторонней регистрации и каталогизации личности путем объединения персональной информации для создания личностных профилей граждан. Такая деятельность недопустима даже в условиях

⁷ Leitsätze zum Beschluss des Ersten Senats vom 4. April 2006 - 1 BvR 518/02 - // Bundesverfassungsgericht. — URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/entscheidungen/rs20060404_1bvr051802.html (дата обращения: 15.06.2020).

анонимности статистических обследований. Одновременно Суд уточнил, что поиск террористов заметно отличается от поиска конкретных преступников или представителей преступной группы («ситуация принципиально отличается»). «Спящие» отличаются правомерностью поведения, адаптированы к социальной жизни (даже в чуждой для них среде). Отсутствуют какие-либо доказательства их преступных установок. Именно поэтому полицейские службы используют не конкретные параметры идентификации. В Решении указывается, что государство может и должно эффективно противодействовать террористическим угрозам, но государство должно и себя ограничивать принципами верховенства права. Но в этом случае опасность должна быть конкретной (наличие фактической основы), достаточно вероятной, реальной в обозримом будущем (простые предположения недостаточны). Общая угроза, которая существует в Германии уже несколько лет, не достаточна для признания Rasterfahndung соответствующим конституционным целям. Недопустима расширяющая интерпретация концепции текущей угрозы, основанная на общеизвестных фактах (Суд их привел: операция в Афганистане, внешнеполитическая напряженность и др.).

К Решению было подготовлено Особое мнение, автором его выступил судья Эвелин Хаас (первая женщина-судья Федерального конституционного суда, ныне – почетный профессор права). В нем указывается, что большинство запрашиваемых данных (пол, семейное положение, место жительства и др.) находится в открытом доступе. Их может получить практически каждый гражданин. Точно так же религиозная принадлежность не скрывается, а свобода вероисповедания защищена Основным законом Германии. Судья Хаас не согласилась с аргументом Суда о стигматизации проводимой сверки сведений, поскольку как запрос, так и последующая обработка проводятся в закрытом режиме, не публично. Сам гражданин не осведомлен о запросе информации. К тому же с учетом большого массива запрашиваемых сведений происходит определенная обезличенность (полиция не собирает данные в отношении конкретного гражданина). Приведен даже пример, что сбор информации о некоторых женщинах при поимке женщины-преступницы не может умалять тем самым весь женский род. В своем Особом мнении Хаас подчеркивает: «Основополагающее право на свободу требует, чтобы государство гарантировало и безопасность. Без безопасности гарантии свободы, предусмотренные Основным законом, не могут быть наполнены жизнью. Безопасность – это основа полного развития свободы ... По этой причине все меры, обеспечивающие безопасность, также следует понимать как меры, гарантирующие и поощряющие свободу. Повышение безопасности укрепляет свободу в демократическом конституционном государстве и, следовательно, увеличивает свободу». Судья Хаас не согласилась и с оценкой общей террористической угрозы, напомнив, что двое участников атаки 11 сентября проживали как раз в Северной Рейн-Вестфалии. Представлено и особое видение мер предупреждения преступности, которое требует многоэтапного подхода, способного эффективно защищать права граждан. Это означает, что некоторые меры могут носить превентивный характер, но имеющие отдаленные цели, в том числе к нейтрализации будущих угроз (предотвращая само возникновение опасности). В качестве примера приведен досмотр при посадке в воздушное судно, что также нередко вызывает некоторое раздражение у пассажиров. Судья Хаас также указала, что законодатель должен обладать определенной самостоятельностью, а суду следовало проявить судебную сдержанность в отношении законодательной власти («судебное самоограничение»).

Таким образом, профилирование террориста признается во всем мире как перспективное направление противодействия преступной деятельности. В научной среде выражается определенный скепсис, основанный на том, что личность террориста принципиально отличается от стандартных характеристик насильственного преступника. Германия – государство, которое предельно заботится о

соблюдении демократических ценностей, уважая положения о правах человека и гражданина, изложенные в Основном законе ФРГ. Профилирование в Германии основано на специальной системе Rasterfahndung, получившей свое официальное закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе ФРГ и иных законах, определяющих статус полицейских органов и спецслужб. В то же время гражданское общество Германии озабочено пределами, которые должны налагаться на официальную деятельность государственных органов при обеспечении безопасности. Устанавливаемый контроль за гражданами должен носить пропорциональный, обоснованный характер. Именно поэтому массовый сбор персональных данных, предусмотренный Законом Северной Рейн-Вестфалии, был признан не соответствующим Основному закону Германии. Однако положения УПК (федерального закона) не являлись предметом оценки. Это означает, что сама возможность применения Rasterfahndung не рассматривалась Федеральным конституционным судом, не подвергалась сомнению в ее конституционности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Maier M. Criminal Profiling. Methoden zur Erstellung von Täterprofilen bei Gewaltverbrechen. / M. Maier. — München: Universität Basel (Institut für Psychologie), 2004. — 46 p. URL: <https://www.diplomarbeiten24.de/document/43271> (дата обращения: 17.06.2020).
2. Ojanen T. Terrorist Profiling: Human Rights Concerns / T. Ojanen // Critical Studies on Terrorism. — 2010. — Vol. 3, № 2. — Pp. 295–312.
3. Welch M. Trampling Human Rights in the War on Terror: Implications to the Sociology of Denial / M. Welch // Critical Criminology. — 2003. — № 12. — Pp. 1–20.
4. Snook B., Luther K., House John C., Bennell C., Taylor Paul J. The Violent Crime Linkage Analysis System / B. Snook, K. Luther, John C. House, C. Bennell, Paul J. Taylor // Criminal Justice and Behavior. — 2012. — Vol. 39, № 5. — Pp. 607–619.
5. Романовская О. В. Акт о патриотизме: ограничения права на неприкосновенность частной жизни в США в целях противодействия терроризму / О. В. Романовская // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2017. — Т. 5, № 2. — С. 10–16. — URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/romanovskaya_ov_17_2_02.pdf. — Дата публикации: 30.06.2017.
6. Романовский Г. Б. Ограничения прав человека в целях противодействия терроризму в Германии / Г. Б. Романовский // Гражданин и право. — 2018. — № 3. — С. 18–29.
7. Wildfang A. Terrorismus: Definition, Struktur, Dynamik / A. Wildfang. — Berlin : Duncker & Humblot, 2010. — 304 p.
8. Herf J. An Age of Murder Ideology and Terror in Germany, 1969-1991 / J. Herf. — Washington: University of Maryland College Park, 2007. — 34 p. URL: <http://faculty.history.umd.edu/JHerf/GHIterror4ms.pdf> (дата обращения 17.06.2020).
9. Özeren S., Sever M., Yilmaz K., Sözer A. Whom do they recruit?: Profiling and recruitment in the PKK/KCK / S. Özeren, M. Sever, K. Yilmaz, A. Sözer // Studies in conflict & terrorism. — 2014. — Vol. 37, № 4. — Pp. 322–347.
10. Hasisi B., Perry S., Wolfowicz M. Counter-Terrorism Effectiveness and Human Rights in Israel / B. Hasisi, S. Perry, M. Wolfowicz // International Human Rights and Counter-Terrorism. — 2019. — Pp. 1–21. DOI: 10.1007/978-981-10-3894-5_22-1.

REFERENCES

1. Maier M. Criminal Profiling. *Methoden zur Erstellung von Täterprofilen bei Gewaltverbrechen*. München: Universität Basel (Institut für Psychologie), 2004, 46 p. URL: <https://www.diplomarbeiten24.de/document/43271> (accessed 17.06.2020).
2. Ojanen T. Terrorist Profiling: Human Rights Concerns. *Critical Studies on Terrorism*, 2010, vol. 3, no. 2, pp. 295-312 (in English).
3. Welch M. Trampling Human Rights in the War on Terror: Implications to the Sociology of Denial. *Critical Criminology*, 2003, no. 12, pp. 1-20 (in English).

4. Snook B., Luther K., House John C., Bennell C., Taylor Paul J. The Violent Crime Linkage Analysis System. *Criminal Justice and Behavior*, 2012, vol. 39, no. 5, pp. 607-619 (in English).
5. Romanovskaia O. V. The Patriot Act: Restrictions on the Right to Privacy in the US in Order to Counter Terrorism. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» = Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2017, vol. 5, no. 2, pp. 10-16. Available at: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/romanovskaya_ov_17_2_02.pdf (in Russian).
6. Romanovsky G. B. Restrictions on human rights to counter terrorism in Germany. *Grazhdanin i parvo = Citizen and Law*, 2018, no. 3, pp. 18-29 (in Russian).
7. Wildfang A. *Terrorismus: Definition, Struktur, Dynamik*. Berlin: Duncker & Humblot, 2010, 304 p.
8. Herf J. *An Age of Murder Ideology and Terror in Germany, 1969-1991*. Washington: University of Maryland College Park, 2007, 34 p. Available at: <http://faculty.history.umd.edu/JHerf/GHIterror4ms.pdf> (accessed 17.06.2020).
9. Özeren S., Sever M., Yilmaz K., Sözer A. Whom do they recruit?: Profiling and recruitment in the PKK/KCK. *Studies in conflict & terrorism*, 2014, vol. 37, no. 4, pp. 322-347 (in English).
10. Hasisi B., Perry S., Wolfowicz M. Counter-Terrorism Effectiveness and Human Rights in Israel. *International Human Rights and Counter-Terrorism*, 2019, pp. 1-21 (in English). DOI: 10.1007/978-981-10-3894-5_22-1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Романовский Владислав Георгиевич — доцент кафедры уголовного права юридического института Пензенского государственного университета, кандидат юридических наук, 440026, г. Пенза, ул. Красная 40, Российская Федерация; e-mail: up406@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Romanovsky Vladislav G. — Associate Professor, Department of Criminal Law, Institute of Law, Penza State University, Candidate of Law, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, the Russian Federation; e-mail: up406@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Романовский В. Г. Профилирование террористов: опыт конституционной регламентации в Федеративной Республике Германия / В. Г. Романовский // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2020. — Т. 8, № 3. — С. 81–89. — URL: <http://esj.pnzgu.ru>. — DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-3-10.

FOR CITATION

Romanovsky V. G. Profiling Terrorists: Experience with Constitutional Regulation in the Federal Republic of Germany. *Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2020, vol. 8, no. 3, pp. 81-89, available at: <http://esj.pnzgu.ru>. DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-3-10. (In Russian).